

Гость "Голоса России" - Анатолий Торкунов, ректор Московского государственного института международных отношений

Автор и ведущий передачи Армен Оганесян.

Оганесян: Сегодня гость нашей программы Торкунов Анатолий Васильевич - ректор известного, престижного Московского государственного института международных отношений. Он же чрезвычайный полномочный посол, он же председатель Российской ассоциации содействия ООН и прочее. Спасибо, что пришли к нам в студию. Анатолий Васильевич, давайте обсудим с вами последние события, которые происходят в мире. Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана объявил сегодня о приостановке ракетно-бомбовых ударов по Югославии, и президент России Борис Ельцин выступит сегодня с заявлением в связи с объявлением НАТО. Таким образом, мы с вами прямо в гуще исторических событий, и по счастливой случайности наш сегодняшний гость "Визави с миром" - международник, специалист, автор учебников по истории международных отношений и по системе современных международных отношений. Мой вопрос, Анатолий Васильевич, очень простой. Мы проснемся завтра после того, как кончатся бомбардировки Югославии. Это будет все тот же мир, в котором мы жили до начала этой войны, или вы считаете, что произойдут какие-то изменения? На что нам, россиянам, российскому корпусу дипломатов, прежде всего, надо обратить внимание?

Торкунов: Прежде всего, мне кажется, что это будет мир, где закончатся бомбардировки и прекратятся страдания людей. Это уже исключительно важно. И в целом я должен сказать, что вся история кризиса вокруг Югославии еще раз подтвердила, что решение острейших, сложнейших международных проблем, которые связаны с межэтническими кризисами, возможно только в условиях переговоров и нахождения компромисса. И как бы тяжело ни шли переговоры, они продолжаются. Вы знаете, что и сейчас на Смоленской площади идут переговоры между военными экспертами России и НАТО, переговоры продолжаются и между югославскими военными и представителями НАТО, продолжаются активные встречи в Организации Объединенных Наций. Но, тем не менее, есть один самый главный, самый важный результат - заявление о том, что бомбежки будут приостановлены. Если же говорить о том, как мы посмотрим завтра на этот мир, то я, прежде всего, хотел бы еще раз подчеркнуть, что все мы - и россияне, и политики стран НАТО, и в первую очередь США - должны извлечь из этого кризиса один серьезный урок. Нельзя решать военными средствами проблему, подобную югославской, где задействована огромная сила, где существует и огромный эмоциональный накал, не только в самой стране, которая вовлечена в этот кризис, но и вокруг этой проблемы складывается колоссальное поле напряженности. Есть механизмы, и это, прежде всего переговорный процесс, есть принципы, и эти принципы - устоявшиеся, они признаны всеми - это принципы Устава ООН. Есть инструмент, который, конечно же, иногда эффективен, иногда не очень - это Организация Объединенных Наций. И мне кажется, что так или иначе, все мы вновь должны задуматься о том, чтобы повысить эффективность этого инструмента одной-единственной существующей сегодня универсальной организации - ООН.

Оганесян: Анатолий Васильевич, вы председатель Российской ассоциации содействия ООН, согласны ли вы с мнениями, которые были высказаны в печати некоторыми аналитиками, что с ООН, по сути, дело покончено? НАТО будет принимать решения, как и сейчас, без особой оглядки на ООН, тем не менее, заявляя, как Солана, что все это

делается от лица мирового сообщества? Или все-таки результаты этой войны, наоборот, показали, что без ООН не обойтись?

Торкунов: Мне кажется, что как раз правильнее будет вторая ваша позиция. Подготовлена резолюция, которая стала результатом очень тяжелых и сложных переговоров. Я надеюсь, что эта резолюция будет принята, поскольку она составлена в условиях уже консенсусного решения. Так или иначе, опять вернулись к Организации Объединенных Наций, о чем все время говорили Россия, Китай, Индия. И я думаю, что позиция России была очень нравственна и была очень дальновидна.

Оганесян: Кстати, вопрос, который мы получили по сети Интернет. Преподобный Уильям Хаттен из Канады спрашивает: "Как вы считаете, позволяет ли сложившаяся ситуация в мире, в частности на Балканах, утверждать, что "холодная война" закончилась?"

Торкунов: Традиционно все-таки под "холодной войной" мы предполагали глобальное противостояние. И в этом смысле глобальное противостояние, на мой взгляд, все-таки закончилось.

Оганесян: А взаимное глобальное устрашение?

Торкунов: Да, и взаимное глобальное устрашение. Но ясно, что у каждой из стран, у группы стран есть свои интересы, которые будут отстаиваться. Так или иначе, будут возникать конфликтные ситуации, будут возникать проблемы. Другое дело, в каких условиях их решать - устрашением применения военной силы или все-таки через поиск взаимоприемлемых компромиссов. И в этом смысле, мне кажется, югославский урок тоже показал, что решение этих проблем возможно только через поиски компромисса, через переговорный процесс.

Оганесян: Конечно, глядя на все, что происходило, есть много моментов настораживающих, хотя есть и утешительные в том, что все равно без России не обошлись, это приятно, конечно. Но недостаточно было обращено внимания на такое опасное заявление Блэра, что "мы будем, независимо от границ, которыми очерчены суверенитеты внутри Европы, подходить с точки зрения морального критерия". Вообще это претензия уже на Великого Инквизитора, помните, да? Эта мысль будет пострашнее. Скажите, пожалуйста, не является ли Югославия попыткой выработать полигон, какую-то новую альтернативную доктрину вообще для НАТО? То есть вмешательство по моральному признаку?

Торкунов: Во-первых, говорить о нравственности политики НАТО в этой ситуации вообще не приходится, особенно когда будут подведены итоги этой войны и станет ясно, сколько же мирных жителей пострадало, какой невосполнимый урон нанесен Югославии, косовским албанцам, которых якобы и защищали натовцы, осуществляя эти бомбардировки. Мне кажется, станет совершенно ясно, что позиция и политика эта была совершенно безнравственная. Если говорить о том, какие выводы мы должны сделать из этого, то, конечно, тезис о так называемой "гуманитарной интервенции" вызывает очень серьезные сомнения у всех специалистов, в том числе у специалистов по международному праву. Проблемы, связанные с тем, чтобы утвердить принципы международного права, как уже устоявшиеся, так и в современных условиях сформулировать новые принципы, которые должны были бы быть взаимоприемлемыми для всех, как когда-то нормы, отраженные в Уставе ООН, являются исключительно актуальными как для ученых, так и для практиков.

Оганесян: Анатолий Васильевич, я думаю, что вопрос преподобного Уильяма Хаккена, наверное, больше связан с чисто психологическим ощущением. Он почувствовал опять прилив пропагандистской волны. Ведь нет никаких сомнений, что сейчас на территории всей Европы работает спецпропаганда, эта машина, которая обеспечивает интересы НАТО. И на телеэкранах будут обязательно показывать, как будут входить в Косово натовские войска. Будут там цветы, счастье, как будто 1945 год, обниматься будут, и все будет подано как победа НАТО. Но НАТО будет, конечно, обходить те моменты, о которых вы говорите. Собирается ли ООН, и в частности Ассоциация поддержки ООН в России, заняться, наконец, сбором материалов на территории Югославии о том, что разрушено, какие нанесены колоссальные раны этой цветущей стране, этому очаровательному историческому уголку в Европе? Потому что без этого натовские трубы будут вопить и дальше. Что делается в этом направлении?

Торкунов: Это очень интересный вопрос. Должен прямо сказать, что сегодня я встречался с нашими специалистами в области международного права и знаю, что российская Ассоциация международного права уже приняла решение о том, чтобы участвовать в такого рода работе. Более того, Российской ассоциацией международного права подготовлен довольно серьезный доклад, который связан с югославским кризисом, с действиями НАТО и с выводами, которые должны сделать юристы, специалисты в области публичного права.

Оганесян: Эта работа идет?

Торкунов: Работа эта идет. Я должен сказать, что наши юристы не только внимательно отслеживают эти события, но и думают о будущем. И это исключительно важно. И думаю, что это не только наши юристы. Насколько я знаю, такого рода встречи, обсуждения идут практически повсеместно. Я недавно был в командировке в США, встречался там в Ассоциации содействия ООН со многими университетскими специалистами и знаю, что такого рода дискуссии и там носят достаточно острый характер.

Оганесян: Это очень хорошо и хорошо, что мы эту тему затронули, потому что она беспокоит и россиян, и по сети Интернет у нас много вопросов: а что Россия, собственно, будет делать дальше, какую она займет позицию? Так вот одна из вполне возможных позиций России - изучить то, что произошло на самом деле, вне зависимости от пропаганды НАТО и официальной пропаганды Белграда, которая тоже имела место быть. У нас есть вопрос слушателя, пожалуйста.

Голос: Здравствуйте, меня зовут Хейден Грег, я звоню из Лондона. Господин Торкунов, что вы думаете о российской дипломатии на Балканах, в частности, как вы оцениваете деятельность Виктора Черномырдина в роли посредника, и как ее оценивают в России? Спасибо.

Торкунов: Что касается российской дипломатии в целом, то я считаю, что она действовала очень эффективно, и в немалой степени благодаря действиям российской дипломатии все-таки удалось наладить переговорный процесс в достаточно короткие сроки. Может быть, они были более продолжительными, к сожалению, чем нам хотелось бы, но, тем не менее, деятельность российской дипломатии носила наступательный характер и вместе с тем здравый, очень осмысленный. Я знаю ситуацию, знаю многих, кто работал на этом направлении, это не только классные специалисты, но люди, понимающие нравственную ценность того, что они делали. Я думаю, что еще очень рано давать какую-то окончательную оценку той роли, которую сыграл Виктор Степанович в этом процессе.

Давайте мы немного подождем и посмотрим, как будет складываться ситуация после заявлений, которые прозвучали сегодня.

Оганесян: Наш слушатель Генри Стейн из США задает интересный вопрос. Он пишет: "Союз Китая, Индии и России смог бы восстановить баланс сил в мире. Вы согласны со мной?" Вы знаете, эта идея треугольника поднималась не раз. Как вы считаете, это реально?

Торкунов: Что понимать под "союзом" и под "треугольником"? Если речь идет о взаимодействии трех стран, которые четко придерживаются принципов Устава ООН, выступают за политическое урегулирование сложных вопросов, то, несомненно, я твердо за такой треугольник. Но вести речь о каком-то союзе другого рода, на мой взгляд, сегодня не приходится. Мне довелось в последнее время не раз говорить с китайскими и с индийскими дипломатами, у них точно такая же позиция. В рамках югославского кризиса мы выступали по многим вопросам совместно. Близость позиции России с Китаем и Индией - постоянных членов Совета Безопасности, сотрудничество по узловым вопросам мировой политики со странами, население которых составляет значительную часть населения планеты, играет, несомненно, коренную роль.

Оганесян: Я тоже разделил бы ваш скепсис относительно того, что возможны какие-то стратегические треугольники или квадраты в наше время, даже независимо от того, о каких странах мы говорим. Недавно довольно известный аналитик, не буду из-за парадоксальности его выводов и слов называть имя, в беседе со мной обронил: "Сдержанная позиция Китая (он ее расценил как сдержанную, и это после попадания ракеты в китайское посольство) объясняется тем, что китайцы и американцы договорились, произойдет сближение США и Китая, а предметом этого соглашения - сделки будет то, что США закроют глаза на экспансию Китая на Дальнем Востоке". Я сначала вскинул брови, а вчера, почитав "Коммерсантъ дейли", если я не ошибаюсь, где расписана та ситуация, которая складывается у нас на Дальнем Востоке, как у нас все приходит в запущение и нищету, и что нарастание количества населения Китая на наших границах в пять раз больше, чем все население России, то, вспомнив этот недавний разговор, я задумался. Люди иногда говорят самые, казалось бы, странные вещи, но в них бывает иногда зерно истины. Как вы считаете? Здесь недалеко здание ГКС. В советский период это было не "Росвооружение", а отдельное управление. В 50-е годы там сначала всех уволили, а потом раздали ордена за простую вещь. Кто-то осмелился приостановить поставки вооружений в Китай накануне разрыва. Вам не кажется, что России надо быть осторожней в таких ситуациях?

Торкунов: Это у аналитика пусть останется на совести, но здесь, вы знаете, мне кажется, использован старый принцип, который трудно на английский перевести, но, тем не менее, я его упомяну, "в огороде бузина, а в Киеве дядька". Это совершенно разные проблемы. Конечно, есть проблема, которая связана с ситуацией, сложившейся в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке.

Оганесян: Но она внутренняя?

Торкунов: Нет, они, конечно, связаны с тем, что соседом является Китай - бурно развивающееся государство, которое испытывает серьезные трудности, связанные с перенаселением. Эта проблема, несомненно, существует. Но привязывать ее к югославскому кризису, мне кажется, было бы неправильно. Эта проблема должна быть постоянно в поле внимания российских политиков, рабочая, скажем так. Но эта проблема совершенно другого рода.

Оганесян: Пойдем дальше, послушаем вопросы слушателей.

Голос: Здравствуйте, меня зовут Василий, я из Москвы. У меня вопрос к господину Торкунову. Анатолий Васильевич, в этом году я закончил школу с золотой медалью и хочу поступить в ваш институт. Кстати, если сравнивать МГИМО с Гарвардом или Оксфордом, кому легче в дальнейшем сделать карьеру дипломата? Спасибо.

Торкунов: Если речь идет о карьере дипломата в России, это, конечно, выпускнику МГИМО. А если в США или Англии, то, конечно, лучше окончить учебное заведение там.

Оганесян: Я думаю, вопрос в другом. Насколько диплом выпускников вашего университета котируется за рубежом?

Торкунов: Прежде всего, вы знаете, что Гарвард и Оксфорд - это классические университеты, которые, помимо школ гуманитарного и экономического цикла, имеют и естественнонаучные школы. МГИМО - это вуз гуманитарного профиля. Но вместе с тем, если говорить об уровне подготовки, то она сопоставима и конкурентоспособна с этими учебными заведениями. Более того, несколько лет назад МГИМО стал членом Ассоциации профессиональных школ международных отношений, в которую входят ведущие американские университеты, включая Гарвард, Колумбийский университет, университет Джорджа Вашингтона, Джорджтаунский университет и другие. То есть в рамках этой ассоциации мы сотрудничаем на равных. И опыт поездки на дальнейшее обучение в американские университеты части наших выпускников, часто и на магистерские программы, показывает, что подготовка, которую дает МГИМО, очень конкурентоспособна.

Оганесян: Если перевести на такой конкретный реально-жизненный план, ваш диплом дает право наравне с обладателем гарвардского диплома устроиться на работу?

Торкунов: Опять-таки, где устроиться на работу. Конечно, в любой стране, прежде всего, преимущество отдадут резиденту этой страны, гражданину, если говорить о дипломатической службе.

Оганесян: Какой процент ваших выпускников идет работать в МИД на дипломатическую службу?

Торкунов: Это зависит от потребности министерства, прежде всего. Каждый раз разные цифры. В этом году где-то около 70-80 выпускников будут приняты на работу в МИД.

Оганесян: А сколько всего выпускников?

Торкунов: Выпускников более 500. Существует конкурс. На сегодняшний день он составляет где-то около 2,5-3 человек на одно место при поступлении на работу в МИД. У министерства есть совершенно заданные параметры по качеству подготовки. Министерство принимает на работу только тех выпускников, которые свободно владеют двумя иностранными языками и имеют достаточно высокий средний балл успеваемости по всем остальным дисциплинам. Если выпускник не отвечает этим требованиям, он даже не рассматривается в качестве кандидата. То есть я этим хочу подчеркнуть, что, несмотря на невысокие оклады, существующие в Министерстве иностранных дел, работа дипломатическая по-прежнему остается престижной, молодежь заинтересована в такого рода работе.

Оганесян: У вас большой конкурс?

Торкунов: Да, все последние годы. Может быть, он был чуть пониже в самом конце 80-х и в 1990-1991 годах, сейчас он вновь очень существенно вырос. Особый интерес у выпускников школ к юридическому и экономическому факультетам по понятным причинам.

Оганесян: Они, наверное, платные?

Торкунов: Да, и среди этой категории высокий конкурс: четыре человека на место.

Оганесян: Анатолий Васильевич, вы, помимо того, что ученый, еще и администратор. У вас в университете нет проблем с новорусскостью?

Торкунов: Я вам скажу, у нас очень строгие правила. Конечно, есть проблемы. Я не буду закрывать на этот счет глаза.

Оганесян: Ваши студенты не учатся по принципу - "а что мне учителя, я заплатил и все"?

Торкунов: Нет, я вам должен сказать, что в целом у нас за период обучения из числа принятых на первый курс институт заканчивают где-то 75-80%. Значит, 25% отчисляются. Если говорить о категории платных студентов, то там этот процент даже чуть выше, потому что они поступают в институт по более низкому конкурсу. И поэтому, может быть, там чуть послабее ребята. Хотя, должен сказать, много и сильных ребят, ведь не за всех платят родители из своего собственного кармана. У нас договоры более чем с 30 субъектами Федерации. Они, к счастью, поддерживая нас, платят за обучение своих студентов. Это крупные субъекты: Татарстан, Саха-Якутия, Сахалин, КОМИ и другие. Но еще раз хочу подчеркнуть, что у нас достаточно жесткие условия обучения. По нашим правилам, студенты, пропустившие без уважительных причин свыше 30 часов академических занятий, отчисляются из института. Конечно, не всегда это получается, поскольку, как известно, студенты умеют запасаться справками, в том числе медицинскими. Но, тем не менее, такого рода правило существует, и мы очень жестко за этим следим.

Оганесян: Спасибо. Давайте послушаем вопрос слушателя.

Голос: Добрый вечер, господин Торкунов. Я Фернандо Химено, испанский художник. У меня к вам два вопроса. Первый. Как известно, институт МГИМО готовит дипломатов. Я хотел бы знать, переживает ли ваш институт кризис, как и вся Россия? И второй вопрос. Каков современный русский дипломат? Отличается ли он или нет от дипломата времен СССР? Большое спасибо.

Оганесян: Хороший вопрос.

Торкунов: Хороший. Конечно, если говорить о кризисе, то мы - не исключение. У нас очень много проблем, прежде всего, финансовых, связанных с вымыванием прекрасных кадров, молодых специалистов - преподавателей. Но должен сказать, что в последнее время все-таки ситуация значительно улучшилась. И в немалой степени этому способствовало законодательство. Вот в этом случае надо сказать спасибо законодателям, которые дали очень широкие возможности российским высшим учебным заведениям. Те законы, которые были приняты по высшей школе, это действительно работающие, не во всем, но во многом работающие законы, предоставившие, наконец, высшим учебным

заведениям хорошую автономию. А поскольку все-таки в высших учебных заведениях работают умные, толковые люди, "смарт", как говорят англичане, то в этих условиях многие ВУЗы находят возможности для того, чтобы зарабатывать, и не только, кстати, за счет платного обучения. Здесь и консультационные услуги, и создание всякого рода учебных центров дополнительного образования. В нашем случае это и разного рода школы страхового бизнеса, нефтегазового бизнеса, это специальные курсы иностранных языков. Конечно, прежде всего, эти курсы направлены на то, чтобы поддержать профессорско-преподавательский состав, но часть заработанных денег идет и, так сказать, в общий бюджет института, что позволяет поддерживать его более или менее достойное положение.

Оганесян: Анатолий Васильевич, вы - уникальный гость, пожалуй. Я не помню, чтобы кто-нибудь из наших гостей похвалил наших законодателей. Просто отрадно слышать.

Торкунов: Я в данном случае хвалю только за эти два закона.

Оганесян: Я понимаю. Вот такой вопрос: "Кто из известных миру людей являются выпускниками вашего института?" - спрашивает Элизабет Савич из Великобритании.

Торкунов: Ну, знаете, это довольно большая группа самых разных людей. Это и предыдущие министры иностранных дел, во всяком случае, три: Бессмертных, Козырев, и Примаков, который закончил Институт Востоковедения. Но он через год стал частью нашего института, поэтому всех выпускников востоковедения мы рассматриваем как выпускников нашей альма-матер, поскольку с 1956 года это единый организм. Многие известные журналисты, в том числе и сидящие здесь, в этом здании на Пятницкой. Их, я думаю, десятки, которые довольно активно работают уже много лет. Среди выпускников есть известные банкиры, в том числе руководители крупных предпринимательских структур. Я бы не хотел, откровенно говоря, называть все имена.

Оганесян: Ну, видимо, вопрос еще спровоцирован тем, что, когда в Россию приезжают значимые фигуры - политики, экономисты, министры иностранных дел, премьеры, даже президенты, - то они предпочитают выступать перед студенческой аудиторией МГИМО. Это делает вам честь, все-таки, престиж вашего университета достаточно высок в мире.

Торкунов: Вы знаете, ведь они очень внимательно изучают ситуацию, когда речь идет о походе для выступлений в тот или иной ВУЗ. И, конечно, нам приятно, что многие из них останавливаются на нашем учебном заведении. Но это связано с рядом причин. Прежде всего, мы сотрудничаем с очень многими известными университетами, выпускниками которых и являются эти политические деятели. У нас, например, идет совместная магистерская программа по международным отношениям со знаменитым Институтом политических наук Франции, который окончил, например, президент Ширак. А сейчас мы выдаем совместный диплом. Поэтому, я думаю, им интересно, чисто по-человечески, посмотреть, с кем сотрудничает его собственная альма-матер. А для нас, конечно, огромная честь, что он считает возможным посетить университет. Не только посетить, но и сказать добрые слова. Но есть и другая сторона. Я ее не скрою. Дело в том, что, выступая в ВУЗе на своем родном языке, политические деятели чувствуют очень живую реакцию не через наушники, слышат живые вопросы на языке. Я вспоминаю, когда был в прошлом году президент Клинтон, то после своего официального выступления он еще около часа провел, просто беседуя со студентами.

Оганесян: Да, то, что нет языкового барьера, это очень важно. Это делает честь вашей языковой школе. Кафедры французского, английского языка, я знаю, очень известны тем,

что очень хорошо подготавливают студентов. Для дипломата это очень важно. Я хотел бы все-таки, чтобы мы постарались ответить чуть-чуть поподробнее нашему слушателю из Испании. Вот он говорит: "Старый тип советского дипломата". Ну, понятно. Это был образ человека, который отстаивает идеологические и геополитические принципы. Сейчас можно сказать, что идеология ушла, осталась геополитика, которая естественна для дипломатов. Насколько современные дипломаты проникнуты защитой государственности, Отечества?

Торкунов: Прежде всего, конечно, они проникнуты. Они должны быть проникнуты. Есть все-таки, прекрасные традиции подготовки дипломатов для России. Ведь и в советское время эта школа возникла не просто из ничего.

Оганесян: А была школа российская.

Торкунов: Да, была школа российская, подготовки российских дипломатов. Вот я упомянул Институт Востоковедения. Так он вообще был создан как школа восточных языков в 1815 году.

Оганесян: Мы родились не в 17-м году.

Торкунов: Они десятилетиями создавались.

Оганесян: Вы опираетесь на них, изучаете историю России?

Торкунов: Несомненно. Более того, я вам скажу, что у меня в конференц-зале, висят все министры иностранных дел императорской России с момента создания МИДа в 1802 году во время реформы Александра. И это даже познавательно интересно посмотреть, какие выдающиеся люди были министрами иностранных дел, выдающиеся со всех точек зрения.

Оганесян: А ведь многие даже не знают, что среди русских дипломатов были замечательные балканисты: Горчаков, Игнатъев, Константин Леонтьев. В их дневниках и мемуарах есть оценки ситуаций, приминительные к настоящему моменту. И это ужасно, когда нашей прессой рассматривается только сиюминутная ситуация без исторического подхода. Отрадно слышать, что современная школа подготовки дипломатов все-таки опирается на этот старый опыт.

Торкунов: Я должен сказать, что это тоже исторический опыт в период таких глобальных транзитов, которые переживает наша страна и переживали многие другие страны.

Оганесян: "Глобальный транзит" - это хорошая фраза.

Торкунов: А вы знаете, что теперь появился термин такой среди политологов - "транзитолог", то есть специалист, который занимается эпохой смещения вех.

Оганесян: Лишь бы не перешло в бранштейнскую формулу: движение - все, а цель - ничто. Потому что цели иногда за этим транзитом нет. И конечного пункта иногда как бы не чувствуют.

Торкунов: Я с вами согласен. Но опять-таки надо исходить из того, что такие общественные трансформации, которые переживаем мы сегодня, экономические, они же тоже не новы, их переживали многие страны и в прошлом, и сейчас переживают многие. И поэтому очень важно изучать и знать их опыт. Но я-то не об этом хотел сказать. В

период таких перемен всегда, к сожалению, дилетантство приобретает очень такое громкое звучание.

Оганесян: И даже агрессивное.

Торкунов: Да, потому что дилетанты всегда кричат громче всех. И именно поэтому мы, думая о будущем развитии университета, пошли на то, чтобы создать новый факультет - политологии, который в отличие от наших традиционных факультетов, ориентированных, прежде всего, на изучение международных отношений, права, экономики и так далее, будет серьезнее сосредотачиваться на российских проблемах.

Оганесян: Спасибо. И, наверное, последний вопрос.

Голос: Здравствуйте, Анатолий Васильевич. Меня зовут Григорий, я из Москвы. Скажите, пожалуйста, долгое время ваш институт является монополистом в подготовке дипломатов? Хорошо ли это по-вашему? Как вы вообще относитесь к такому явлению, как монополизм? О нем теперь так много говорят, особенно о таких монстрах, как "Газпром" или РАО ЕЭС. Спасибо.

Торкунов: Очень хороший вопрос. Спасибо вам. Я к монополизму отношусь исключительно плохо. И то, что наш университет был монополистом, считаю, тоже ни к чему хорошему не вело. Но должен вам с удовлетворением доложить, что сегодня существует очень много учебных заведений, где готовятся международники. И мы, как головной ВУЗ, всячески этому способствуем. Есть сейчас факультет международных отношений в Санкт-Петербургском университете. Кстати говоря, многих ребят-выпускников этого факультета мы приняли в этом году в магистратуру для продолжения обучения. Должно быть обязательно конкурентное начало, иначе для нас это смерть, если мы не будем чувствовать конкурента.

Оганесян: Мне понравилось сравнение с РАО ЕЭС и с "Газпромом". Мы знаем, что это все - монополии, которые действуют на внешних рынках. Вот готовятся ли какие-то кадры по поддержке интересов этих наших естественных монополий? Их кандидаты сдают экзамены на вот те самые внебюджетные места, о которых вы говорили, и у нас есть договоры и есть представители не только центрального "Газпрома", есть договор с "Север-Газпромом". Поэтому это я считаю естественным, мы должны помогать готовить квалифицированных кадров-государственников, хотел бы еще раз подчеркнуть.

Оганесян: А какова квота?

Торкунов: Нет, квоты здесь никакой нет. Есть заявки по потребностям, когда они развивают свои международные связи. Естественно, они привлекают хороших специалистов, выпускников МГУ, других учебных заведений, в том числе и за границей готовят, насколько я знаю, или, во всяком случае, переподготавливают. Но в том числе и наши выпускники там работают. Это очень хорошо и нормально.

Оганесян: Скажите, пожалуйста, каким вы видите ваш институт в 2001 году? Что вы хотели, чтобы изменилось?

Торкунов: Мне хотелось бы, прежде всего, чтобы он финансово окреп.

Оганесян: Чтобы он дожил до этого. Но будем оптимистами.

Торкунов: Я глубоко уверен, что он доживет, и не только он, а вся российская Высшая школа, потому что это блестящая, прекрасная Высшая школа, которая заслуживает самого высочайшего уважения.

Оганесян: Спасибо, Анатолий Васильевич.

Торкунов: Спасибо.